

КОЛЕСНИКОВА ТАТЬЯНА ♥ БОГАЦКАЯ АНАСТАСИЯ

♥ ДЕЛО О ВЗРОСЛЕНИИ



НОВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ –
ДЕТЕКТИВНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ ♥

МОИ ИСТОРИИ
МОИ ОТКРЫТИЯ
МОИ ВЫВОДЫ



– Сомневаться нормально
– задавать вопросы правильно
– ошибаться – часть пути
– и самое главное –
ты не одна. ♥

Татьяна Колесникова
«Дело о взрослении» -
детективное пособие - новая
энциклопедия для девочек

*<https://litres.ru/74233968>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Насте 12 лет. Она, как и любая девочка в этом возрасте, ищет ответы на вопросы, которые появляются, когда мир вокруг начинает меняться. Когда друзья становятся другими. Когда тело вдруг перестает слушаться. Когда страшно, обидно, хочется спрятаться, но ещё больше — чтобы кто-то понял.

Эта книга — честный, тёплый и очень живой разговор с той, кто проходит через то же самое. Без назиданий и без оценок. Просто — «я здесь, я понимаю, я рядом».

Содержание

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЬНИЦЕ	4
ДЕЛО 1: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БОЯЛСЯ ПОДОЙТИ	6
Или как я узнала про страх чемпиона	6
ДЕЛО 2: ТРИ ЧАСА В КАФЕ	15
Или как я поняла, что Марго — не принцесса, а тоже человек	15
ДЕЛО 3. УЧИТЕЛЬНИЦА, КОТОРАЯ РАЗУЧИЛАСЬ УЛЫБАТЬСЯ	23
Или как я узнала, что злость — это застывшая боль	23
ДЕЛО 4: ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ НЕ УМЕЛА ПЕТЬ	33
Или как я узнала, что талант бывает разный	33
ДЕЛО 5: НОЧЬ ПЕРЕД ПОДЖОГОМ	42
Или как мы учились просить помощи	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

«Дело о взрослении» - детективное пособие - новая ЭНЦИКЛОПЕДИЯ для девочек ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЬНИЦЕ

Привет, дорогая читательница!

Меня зовут Настя, мне 12 лет. Как и ты, я учусь понимать себя, разбираться в чувствах и искать ответы на непростые вопросы, которые появляются, когда вырастешь.

Однажды я начала вести дневник — и он превратился в «Дело о взрослении». Это не просто записи, а настоящее расследование, в котором ты станешь моим напарником детективом!

В этой книге собраны настоящие улики — все, что поможет нам раскрыть самую загадочную тайну: как найти свой путь, когда мир вокруг меняется и ты вырастешь.

Здесь ты найдешь фотографии, записки, черновики писем, схемы и рисунки — каждый из этих фрагментов хранит свою историю, свои переживания и свои вопросы. Вместе они складываются в картину того, что происходит с нами,

когда мы растем: как меняются отношения с друзьями, как впервые сталкиваешься с непониманием, как учишься слушать себя и находить силы идти вперед, даже когда страшно или грустно.

Запомни главные правила нашего детективного клуба:

Сомневаться — нормально

Задавать вопросы — правильно

Ошибаться — часть пути

И самое главное — ты не одна

Готова приступить к расследованию? Тогда открой первую страницу — там ждет наша первая загадка: история о том, как я узнала про страх чемпиона.

Вперед — на поиски ответов, новых вопросов и самых важных открытий о себе!

ДЕЛО 1: ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БОЯЛСЯ ПОДОЙТИ

Или как я узнала про страх чемпиона

ЗАДАНИЕ ПО ОКРУЖАЮЩЕМУ МИРУ: Рассказ о человеке, у которого можно чему-то научиться. Формат свободный.



Я сижу и тупо смотрю в потолок.

У кого я могу чему-то научиться? У мамы? Она скажет: «Научись заправлять кровать».

У папы? Ну тоже нет.

Учительница сказала: «Это может быть ученый, спортсмен, врач, кто угодно». Но я не знаю ученых. Я слежу только за блогерами, а они вряд ли считаются.

— Мам, а у нас есть знакомые... ну... знаменитые?

— Знаменитые? — мама задумалась. — У тети Лены дочка в художественную школу ходит, у нее грамота от мэра...

— Не, это не то.

И тут папа, не отрываясь от телефона, говорит:

— А помнишь, мы на встрече одноклассников были? Светка из 11 «Б»? У нее брат младший, Витька. Так он сейчас в биатлоне чемпион. По телевизору показывали.

Я аж подскочила. Мама тоже удивилась.

— Чего? Тот самый Витька? Который в детстве заикался?

— Ну да. Светка говорила, его в школе дразнили. А он взял и... ну, сама видишь.

Я уже гуглю.

— Невероятно, помнишь, он пришел в новой куртке, а ему рукав фломастером изрисовали? И он ничего не сказал. Просто ходил так весь день.

Испытывал трудности в общении со сверстниками. Как красиво это звучит. А на деле его просто гнобили. И сейчас этот Виктор стоит на пьедестале. Как?



Я пишу Светлане, маминой однокласснице. Она теперь в соцсетях выкладывает веганские торты. Светлана отвечает быстро:

tortiki25: Ой, Настенька, какой проект, молодчина! Я Витьке передам, он не кусается. Дам тебе его номер, только ты не бойся, он нормальный.

Я и не боюсь. Или боюсь? Ладно, чуть-чуть боюсь.

Вечером я пишу:

Я: Здравствуйте, Виктор. Меня зовут Настя, я дочка одноклассницы вашей сестры Светланы... Мы не знакомы лично, но мне очень нужна ваша помощь для школьного проекта. Можно задать вам несколько вопросов?

Читает... Печатает...

Виктор: Привет, Настя. Света предупредила. Спрашивай.

Я: Скажите, а это правда, что вас в школе... ну... не очень любили?

Пауза. Длинная. Я уже жалею, что спросила. Сейчас он обидится, и все.

Виктор: Правда.

Виктор: Я долго думал, что это навсегда. Что я такой и есть — слабак, над которым можно издеваться, и он даже не вякнет. Знаешь, что самое смешное?

Виктор: У нас во дворе был турник. Пацаны собирались, крутили «солнышко». А я стоял в стороне. Не потому, что не умел. Я умел. Я тайком тренировался, когда никого не было. Но при них — не мог. Потому что если я выйду и упаду... они же сожрут. Я слышал, как они ржали над другими. Я не хотел быть на их месте.

Я: И как вы перестали бояться?

Виктор: А я не перестал. Просто однажды кое-что случилось.

Пауза. Он печатает долго, потом удаляет, потом печатает снова.

Виктор: Я не знаю, стоит ли тебе это рассказывать... В 6-м классе к нам пришла новенькая. Она была... Она пела в хоре, рисовала стенгазету, бегала на лыжах. И при этом не задавалась, относилась по-доброму ко всем. Я смотрел на нее и не мог подойти. Месяцами репетировал разговоры перед сном. Ни одного так и не начал.

Я: И что?

Виктор: А ничего. Она уехала через год. Я так и не сказал ей ни слова. Но перед отъездом был лыжный кросс. Я записался, чтобы она меня заметила.

Я: И это помогло?

Виктор: Я пришел последним. Она даже не посмотрела. Но зато ко мне подошел тренер и сказал: «Вить, у тебя есть потенциал. Приходи в секцию». И я пошел.

Я: А потом? Страх совсем прошел?

Виктор: Нет. Через полгода я видел, как один парень на соревнованиях разбился. Сломал ключицу, скорая, сирена. Я три ночи не спал. Хотел бросить.

Я: И не бросили?

Виктор: Тренер сказал одну вещь. Я запомнил на всю жизнь: «Ты смотришь на других и думаешь, что это будет с

тобой. Но у них своя судьба, только ты пишешь свою».

Я: И вы остались?

Виктор: Остался. И знаешь, что я понял? Страх не уходит. Он просто перестает быть главным. Мне очень помогала вера. Каждый раз перед опасным спуском я просил помощи — и страх отступал. А еще — я просто продолжал тренироваться.

Я: Но вы стали чемпионом. Я тоже ходила на разные секции, но вы... Как вам это удалось?

Виктор: Со временем я понял: с каждой тренировкой у меня получается все лучше и лучше. Я победил в нескольких гонках и меня заметили. Я полюбил тренироваться, полюбил лыжи, эту тишину и скорость в лесу, и мне нравилось каждый день преодолевать себя и становиться лучше.

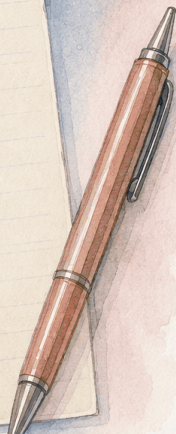
А еще я нашел своих людей. Наверное, это весь секрет.



Улика:
видео, которое
никто не видел

Голос Виктора
(16 лет, только что упал
на тренировке):

«Блин... Больно.
Упал на ровном месте.
Палыч говорит: «Вставай».
А я не хочу вставать.
Я хочу, чтобы все это
закончилось.
Хочу быть дома, в тепле,
и никогда больше не надевать
эти дурацкие лыжи.
...Хотя нет. Вру. Я встану.
Я всегда встаю.
Просто мне нужно минуту
полежать и понюхать.
Ладно. Встаю».



Внутри — скриншот из старого телефона. Размытое изображение: парень лет шестнадцати сидит в сугробе, лыжи валяются рядом, лицо закрыто рукой.

Я закрываю переписку и долго сижу в тишине.

Я не в лесу. У меня нет лыж.

Но у меня есть моя комната, мои наушники с музыкой, в которых можно спрятаться.

Здесь тоже можно упасть, посидеть, поныть — и встать. Без свидетелей.

И еще. Я все думаю про ту девочку. Она даже не знала, что изменила чью-то жизнь. Просто жила себе, пела в хоре, бегала на лыжах. А он смотрел на нее и репетировал разговоры. Странно: человек, которому я не сказала ни слова, может изменить мою жизнь. Может и я смогу когда-нибудь изменить чью-то — просто существуя?

А еще я поняла про страх. Страх не уходит, но он перестает быть главным, если ты действуешь, находишь свое место и своих людей. Я решила, что это будет главной мыслью моего проекта.

Я вдруг подумала про Марго (она на год меня старше и живет в соседнем квартале). Я давно хочу позвать ее гулять, но все боюсь писать первой, вдруг ей не до меня. Она такая крутая. У нее много друзей, и она старше.

Может, рискнуть и перестать ждать?

Достаю телефон.

Я: Марго, привет! Давай как-нибудь сходим куда-нибудь?

Я уже полгода собираюсь тебе написать

Отправила. И сразу стало легче.

МОИ ВОПРОСЫ К СЕБЕ

— Чего я боюсь на самом деле?

— Есть ли у меня мое «место» — где можно падать без свидетелей?

— Кто те люди, с которыми я могу упасть и не бояться, что меня осудят?

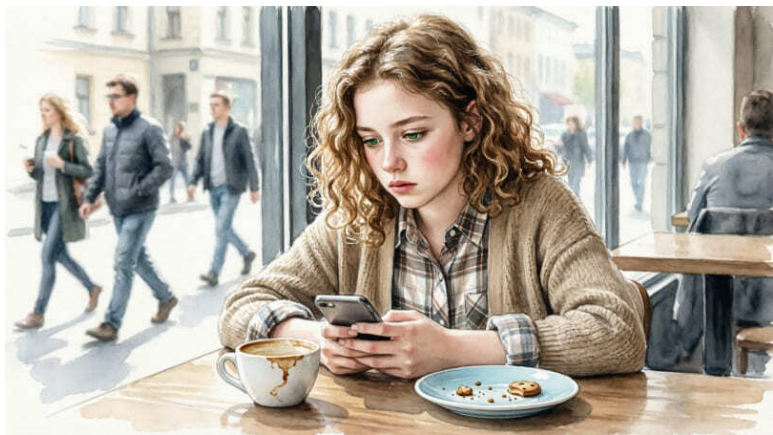
— Какое «падение» я откладываю прямо сейчас?

Р.S. Виктор сказал, если буду в их городе — позовет на стрельбище. Говорит, даст пострелять. Я думаю, у меня нет шансов. Но я подумую.

Р.P.S. Марго ответила через час. Мы идем в кино в субботу. Иногда просто написать — это уже половина дела.

ДЕЛО 2: ТРИ ЧАСА В КАФЕ

**Или как я поняла, что Марго —
не принцесса, а тоже человек**



Вклейка: два билета в кино, на одном жирной ручкой обведен ряд.

Я пришла за пятнадцать минут до начала сеанса — боялась опоздать. Марго пришла через полчаса (я боялась, что она вообще передумала).

— Прости! — выдохнула она, запыхавшись. — Там авто-

бус... короче, я бежала.

Мы влетели в зал, когда уже погасили свет. Наши места оказались заняты какими-то дядьками. Пришлось сесть на два ряда выше, с краю, где экран видно под углом.

Я думала, Марго расстроится. Она пожала плечами:

— Ну и ладно. Главное — попкорн.

И достала огромное ведро.

Фильм был... ну, нормальный. Про любовь, про то, как девочка из простой семьи попала в элитную академию. Все предсказуемо: злая богатая соперница, тайный поклонник, сцена под дождем.

Но я почти не смотрела. Потому что на середине фильма Марго вдруг наклонилась к моему уху и прошептала:

— Этот парень вообще не умеет целоваться. Ты видела? Как рыба.

Я чуть не засмеялась вслух.

А потом она добавила:

— И эта ее подруга... ну зачем она врет? Скажи правду и все.

Я кивнула. И вдруг поняла, что смотреть на экран совсем не хочется. Хочется поболтать. Прямо сейчас.

Но в кинотеатре нельзя. Пришлось терпеть.



Мы проговорили так долго, что официант принес меню дважды

После фильма мы пошли в кафе. Я заказала горячий шоколад, а Марго латте с соленой карамелью (фу, подумала я, но промолчала).

— Ну как тебе? — спросила Марго, откидываясь на стуле.

— Нормально. А тебе?

— Главная героиня бесила.

— Чего?! — я чуть не поперхнулась. — Она же... ну... она всего добилась сама!

— Она врала. Все время. Про себя, про свои чувства, про то, что случилось. Если бы она сразу сказала правду, фильм шел бы двадцать минут.

Я задумалась. А ведь правда.

— Но тогда бы не было драмы, — сказала я.

— А зачем драма? — Марго сделала глоток. — Лучше бы она пошла к психологу. Все бы решилось.

Мы засмеялись.

А потом разговор перешел куда-то в другое русло. С фильма перескочил на школу, со школы — на наших общих знакомых, с них — на всякие истории, которые случались с нами в разном возрасте.



Мы проговорили три часа. Остыл горячий шоколад. Марго выпила 2 латте. Официант снова принес меню, но мы делали вид, что не замечаем.

— Слушай, — сказала я. — А у тебя было такое... ну... чтобы ты влюбилась?

Марго усмехнулась.

— В лагере, в прошлом году. Он классный был. Играл на гитаре, знаешь? Прямо у костра. Мы даже целовались.

— И что?

— А ничего. Мы разъехались. Переписывались месяц, потом затихло.

— Тебе грустно?

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Нет. Ну конечно, первое время. Я даже плакала. Но я ему благодарна. Сейчас у меня другая жизнь. И она яркая. Зачем оглядываться?

Я кивнула. А сама подумала: вот бы мне так — не застревать в прошлом, а идти дальше.

Домой я шла пешком, хотя можно было на автобусе. Нужно было переварить.

Я думала, что Марго — это человек, у которого все идеально. Друзья, внешность, уверенность. А оказалось, она тоже много чего боялась. У нее тоже случались разочарования. И ей тоже бывало больно — просто она не застряла в этой боли.

Она такая же девочка, как я.

И это было самым лучшим открытием за весь день.

ТЫ МНЕ НЕ ОТВЕЧАЛА 6 ЧАСОВ

Я написала Марго утром: «Смотри, какой смешной мем!»

Она прочитала — и молчала. Час, два, три. Я уже придумала, что она обиделась (хотя не на что), что я сделала что-то не так, что она не хочет больше дружить.

К вечеру я сидела и накручивала себя так, что хотелось плакать.

Мама позвала меня ужинать, а мне не хотелось. Я пошла в ванну, включила воду. После душа я всегда чувствую себя как-то легче.

Дзинь. Читаю новое сообщение:

«Насть, прости! Я была у врача с мамой, потом помогала бабушке, телефон валялся в сумке. Мем офигенный»

Я выдохнула. И сама удивилась — как же сильно я себя накрутила.

О ТОМ, КАК МЫ ЧУТЬ НЕ ПОССОРИЛИСЬ ИЗ-ЗА БРОВЕЙ

Вклейка: скриншот переписки с гифкой, где кто-то падает.

А это было на следующей неделе.

Марго прислала мне гифку. Там девочка с огромными бровями падает с самоката. И подпись: «Это ты, когда пытаешься быть крутой».

Я засмеялась. А потом посмотрела в зеркало. Мои брови. Огромные. Она надо мной смеется?

Весь день я дулась. Марго спрашивала: «Ты чего?» Я отвечала: «Все нормально». Но это было не нормально.

Вечером она написала: «Настя, если я тебя обидела — скажи. Я не умею читать мысли».

Я долго печатала, стирала, снова печатала. А потом написала: «Гифка про брови. Было обидно».

Марго: «Ой. Это была просто гифка. Я не про брови вообще. Я про то, как ты вчера на самокате чуть в кусты не улетела! Ты забыла?»

Я замерла. Точно. Вчера я визжала на весь двор.

Марго: «Насть, если я тебя задела — прости. Но в следующий раз говори сразу. А то я весь день гадала, что не так».

ЧТО Я ПОНЯЛА

Прошло всего полтора месяца, а мы с Марго как будто дружим всю жизнь. Катаемся на роликах, на самокатах, просто гуляем. И как тогда после кино бесконечно много говорим.

Я записала в дневнике:

ЧТО Я ПОНЯЛА ПРО ДРУЖБУ (ТЕПЕРЬ ТОЧНО)

1. Если обиделась — скажи. Даже если страшно и если кажется, что это глупо.

2. Если кажется, что подруга тебя игнорирует — спроси: «Ты занята или просто не хочешь отвечать?»

3. Дружба — это не соревнование «кто круче». Это когда можно быть собой и не бояться.

4. Не застревай в прошлом. Благодарю за то, что было — и иди дальше.

Вот такая штука.

МОИ ВОПРОСЫ К СЕБЕ

— Есть ли у меня человек, с которым я могу быть собой?

— Что я узнала о своей подруге такого, чего не знала рань-

ше?

— Боюсь ли я показаться скучной? А если да — что с этим делать?

— Какую одну вещь я могу сделать завтра, чтобы наша дружба стала теплее?

P.S. Мы с Марго теперь иногда пересылаем друг другу гифки с подписью: «Это про меня, если что». И сразу становится понятно.

ДЕЛО 3. УЧИТЕЛЬНИЦА, КОТОРАЯ РАЗУЧИЛАСЬ УЛЫБАТЬСЯ

**Или как я узнала, что злость
— это застывшая боль**



ДЕНЬ, КОГДА МЫ ВСЕ СТАЛИ ВРАГАМИ

В школе сегодня творился какой-то треш. Марина Павловна не пустила в класс Катю и Аню и знаете почему? Они

опоздали на три минуты. Три! Из-за ливня. Автобусы встали, и они прибежали мокрые до нитки, а она даже не выслушала — просто наорала и ткнула пальцем в дверь с воплем «Вон!».

Потом она наорала на Мишу.

Миша всегда делает паузу перед ответом. Раньше он заикался, теперь не заикается, но он всегда молчит, прежде чем ответить. Все учителя привыкли. А она закричала: «Ты спать собрался? Отвечай быстро!»

Миша побледнел, у него задрожали губы и он замолчал совсем.

А потом она наказала весь класс. Сказала, что мы — «самый ужасный класс в ее практике», и оставила всех после уроков.

На перемене мы сгрудились в углу коридора и зашептались.

— Ее из другой школы выгнали, — сказала Милана. — Она там заставила мальчика съесть учебник по математике.

— Не ври, — фыркнул кто-то.

— А знаете почему она никогда не ест в столовой? Потому что питается нашей энергией!

— Она на директора орала, я сама слышала.

— У нее дома скелеты в шкафу, вот увидите.

Я слушала и молчала. Потому что, если честно, мне было жалко Марину Павловну. Да, ко мне она тоже часто придиралась. Сказала, что я списываю (я не списывала). От нее не

услышать ни одного доброго слова, только колкости и подколки. Но глаза у нее какие-то... Грустные. Почему она такая?

УЛИКА — СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА



После уроков я вернулась в класс. Забыла сменку под партой.

Дверь была приоткрыта. Я хотела зайти и вдруг услышала голос. Марина Павловна говорила по телефону. Я не подслушивала, честно. Просто замерла.

— Нет, мам, пусть даже не пытается, — сказала она. — Я вычеркнула его из моей жизни и не хочу его больше видеть.

Никогда.

И вдруг... Она тихо зарыдала.

Я отшатнулась. На цыпочках ушла. Сменку так и не забрала.

Дома я сидела и думала. Что могло ее, такую холодную и бесчувственную, довести до слез? Кого она вычеркнула из своей жизни?

Наутро я подошла к Петру Ивановичу, учителю труда. Он единственный, кто с ней нормально разговаривает. Всегда спокойный, улыбчивый.

— Петр Иванович, — сказала я. — А вы давно Марину Павловну знаете?

Он посмотрел на меня внимательно.

— А что случилось, Настя?

— Ничего. Просто... мне кажется, ей очень плохо.

Он вздохнул. Помолчал. А потом сказал:

— Знаешь, я слышал о твоих добрых делах. Ты порядочная девочка. Я расскажу тебе одну историю. Но это секрет. Ты сможешь его сохранить?

Я кивнула.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА

Вклейка: старая фотография, наклеенная в уголок. Молодые Петр Иванович и Марина Павловна сидят на лавочке в парке. Она смеется.

— Мы познакомились 14 лет назад, — сказал он. — В другой школе. Я пришел туда молодым учителем, она уже

работала. И я... влюбился. С первого взгляда.

— Правда? А она?

— А она не верила. Никому не верила. Особенно мужчинам. Когда ей было 13, от них ушел отец. Марина осталась с мамой обиженная до глубины души. Она стала бунтовать, ругаться, отталкивать всех. А внутри просто... замерзла.

— И вы? — мне вдруг стало неловко от такой откровенности и одновременно я гордилась собой, что мне доверяют такую тайну.

— Я пытался ее согреть. Перешел за ней в эту школу, когда она уволилась с прошлой.

— А ее отец? Он ее бросил и никогда не навещал?

Он помолчал.

— Ее отец, Настя, он жив. Живет в соседнем городе, два часа езды. Уважаемый человек. И он ее очень любит. А она не дает ему шанса.

— Откуда вы знаете?

— Ох, как-то я дождался ее после уроков и поздравил с днем рождения. А она как раз с мамой собиралась в театр ну и предложила мне присоединиться. А мама у нее мировая женщина. Говорит, сама была обижена на бывшего мужа, но простила, а дочка нет. У нее из-за этой обиды вся жизнь развернулась. Вот поэтому ты и заметила, что ей плохо.

Так вот оно что!

РАССЛЕДОВАНИЕ — МАРГО В ДЕЛЕ

Я обещала Петру Ивановичу сохранить секрет. Но как же

тогда помочь?

И тут я вспомнила про Марго.

Она учится в другой школе, никого не знает в нашей. Я же не нарушу обещание, если поделюсь с ней своей идеей? Она старше, спокойнее и умеет хранить тайны. Я рассказала ей почти все. Попросила поехать со мной в соседний город.

— Ты с ума сошла? — сказала Марго. — Мы же школьницы.

— А что делать? Ей 38 лет, она 25 лет носит в себе эту боль. Если мы не попробуем, кто это сделает?

Марго вздохнула. И согласилась.

Вклейка: два билета на автобус. Один — Настя, другой — Марго. Штамп: «Туда и обратно».

Мы нашли его по адресу, который дал Петр Иванович. Перед входом висела вывеска «Компания Мар». Павел Леонтьевич сидел в кресле и озабочено изучал какие-то документы.

— Вы к кому, девочки?

— Вы папа Марины Павловны? — выпалила я.

Он замер.

— Я... да. А что случилось?

— Ничего страшного, — быстро сказала Марго. — Мы из ее школы. Нам кажется, что ей очень нужна ваша помощь.

Я рассказала ему все. Про ее крики, про пустые глаза, про то, как она плачет в кабинете. Про то, что мы не знаем, как ей помочь.

Он слушал и молчал. А потом ушел в соседнюю комнату и вернулся с коробкой.

— Здесь письма, — сказал он. — Я писал ей 10 лет. Все, что не решался сказать вслух... Я... Я так их ей не отправил. Может, вы... передадите? Я не надеюсь, что она прочтет. Но если вдруг...

Я взяла коробку. Она была увесиста.

— Я передам, — сказала я. — Честно.

КАК ПЕРЕДАТЬ ПИСЬМА

Мы вернулись в город поздно вечером. Я сидела на кровати и смотрела на коробку.

Не открывать. Нельзя открывать. Это не мое.

Но что же там и как отдать? Просто подойти и сказать: «Ваш папа просил передать»? Она выгонит.

Я думала всю ночь. А утром вспомнила, что мама всегда говорит: «В любви дети развиваются в два раза лучше». Мама имеет в виду, что если ребенка хвалить — он растет. А если кричать — он сжимается.

Наверное, с людьми тоже так.

Я села и написала письмо. Марине Павловне.

Вклейка: листок в клеточку, вырванный из тетради. Неровный почерк.

«Здравствуйте, Марина Павловна.

Я знаю, что это странно — писать письмо своему учителю. Но я не знаю, как еще сказать. Вы очень хороший учитель. Правда. Я многое запомнила с ваших уроков. Но детям

очень трудно учиться, когда на них кричат. Мы не становимся лучше от крика. Мы просто начинаем бояться. Мне кажется, вы кричите не на нас.

Я случайно узнала про вашего папу. Он очень сильно вас любит и просил передать вам письма, которые он писал вам 10 лет. Вы не обязаны их читать. Но если вдруг захотите — они в вашем столе. Я попросила Петра Ивановича положить их утром, пока вас не было.

И еще. Мы все хотим, чтобы вы улыбались. Честно. Вы красивая, когда улыбаетесь.

С уважением,

Настя».

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Вклейка: пустая страница, только посередине — маленькая наклейка в виде улыбки.

Весь день я ходила как на иголках. На ее уроке я боялась поднять глаза.

Она вошла в класс. Посмотрела на меня испытывающим взглядом. Потом открыла журнал и начала урок.

Ничего не сказала. Ни сегодня, ни на следующий день.

Я уже решила, что все зря. Что она выбросила письма и забыла.

Потом у нас была контрольная. Блин, мне показалось, что она хотела меня завалить. Почему она дала мне самое сложное задание? Да еще в той теме, где я вечно запинаюсь... Я подумала, что наверное она так ставит меня на место... Зря

я во все это ввязалась.

А через неделю случилось вот что.

На перемене я выглянула в окно и увидела Марину Павловну и Петра Ивановича вместе. Они стояли во дворе, под старым дубом. Она плакала, как маленькая девочка. А он просто держал ее за руку — так, будто больше никогда не отпустит.

И я вдруг поняла: человек злой не от того, что он плохой. А потому что ему очень больно.

ДОСЬЕ ЗАКРЫТО. МОИ ВЫВОДЫ МОИ ВОПРОСЫ К СЕБЕ

— Бывало ли так, что я злилась, а на самом деле мне было просто больно?

— Есть ли в моей жизни человек, которого я не могу простить? А нужно ли?

— Что я могу сделать сегодня для того, кто рядом, но очень одинок?

— Какой поступок кажется мне невозможным, но на самом деле может все изменить?

P.S. Через месяц Марина Павловна первый раз в жизни похвалила Мишу. Он так удивился, что чуть не упал со стула.

P.P.S. Петр Иванович теперь заходит за ней после уроков.

Они идут домой вместе. А однажды я видела, как она взяла его под руку. Сама.

P.P.P.S. Иногда мне кажется, что мы, дети, лечим взрослых. Просто они об этом не догадываются.

ДЕЛО 4: ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ НЕ УМЕЛА ПЕТЬ

Или как я узнала, что
талант бывает разный



КАСТИНГ

Сегодня в школе кастинг на шоу талантов. Я тоже пришла. Сажу на последнем ряду и смотрю, как на сцену выходят другие. Не уверена, что могу чем-то отличиться.

Маша из 8А поет так, что у меня мурашки. У нее в ютубе ролики с миллионом просмотров. Лера из 7 класса садится на шпагат прямо в танце, и я вижу, как мальчики в первом ряду вытягивают шеи. Потом парень с электрогитарой выносит усилитель так, что стены дрожат. Стендап про школьную столовую — реально смешно. А акробаты вообще делают такое, что я закрываю глаза.

Были, конечно, и те, кто просто выходил и читал стихи. Не сказать, чтобы впечатлило. Я бы была в их рядах. Если бы вообще решилась выйти.

У меня нет сильного голоса. В детстве я мечтала петь и завидовала солистам. На танцы меня отдали в пять лет, но я бросила через год — не мое. Рисую я так себе. Спорт — ну, бегаю нормально, но олимпийской чемпионкой точно не стану.

Я вспомнила, как мы говорили с Марго про зависть. Я тогда жаловалась, что все вокруг такие крутые, а я — ничего особенного. Марго засмеялась и сказала:

— Насть, ты опять себя сравниваешь?

— А как не сравнивать? Я же вижу!

— Слушай, у меня есть правило. Сравнить себя можно только с самой собой. Смотришь на себя в прошлом и видишь: я выросла. Я стала лучше.

— Легко сказать.

Да блин, как не сравнивать? Вон, Лера какая красивая, яркая, крутая. На нее все смотрят. А на меня никто не смот-

рит. Если бы я была как Лера, я бы уже встречалась с Марком. Или с Тимом. Или с кем захотела бы.

Я встаю с последнего ряда и тихонько выхожу. Оглядываюсь назад — жюри обсуждает какую-то девочку. Она стоит на сцене и улыбается, а у меня внутри все сжимается.

Нет, у меня нет талантов.

Я плетусь в раздевалку.

ВСТРЕЧА С СОНЕЙ

— Вот ты где! — хватает меня за локоть Соня. Она запыхалась и смотрит на меня так, будто случилось что-то страшное. — Не отвечаешь на сообщения, я везде тебя обыскалась!

— Да я с кастинга...

— О, у тебя есть номер?

— Нет. Я просто... — я отмахиваюсь. — Закроем эту тему. Что случилось?

Соня оглядывается по сторонам, понижает голос:

— Кажется, случилось. И мне нужна твоя помощь. Ты всегда придумываешь гениальные идеи. Я... пойдём отойдем, чтобы никто не слышал. Это секрет.

Мы отходим в самый дальний угол возле школьного музея. Там пахнет тишиной и еще чем-то пыльным. Соня сбивчиво шепчет:

— Ты знаешь моего брата, Никиту? Из пятого класса.

— Ну, помню. Ты говорила, он в телефоне зависает.

— Да просто ужас! — Соня закатывает глаза. — Вчера

опять просидел весь вечер, уроки не сделал. Мама сказала: «Лишишься телефона, если не исправишься». А он в слезы: «Там важная переписка!». Ну я и подумала: дай-ка гляну, что там за переписка такая важная. Может, он с девочкой какой секретничает.

— И что?

— А ничего. Обычные мемы. Но пока я листала, он пришел с кухни и говорит: «Ты чо мою переписку читаешь?!» Я испугалась, кинула телефон, а он упал и экран треснул. — Соня вздыхает. — Короче, я теперь должна ему новый телефон. Родителям мы не сказали — он тоже боится, что его накажут за то, что телефон разбил. Но пока мы это обсуждали, я увидела уведомление. Новое сообщение всплыло, когда телефон уже разбитый лежал.

— И что там было?

Соня оглядывается и шепчет еще тише:

— Там было: «Ник, ты в пятницу с нами? Не ссы, все свои. Будет жестко». Я сначала не поняла, а когда он уснул, еще раз залезла в его старую переписку. Насть, он попал в дурную компанию.

— В какую?

— Там ребята старшекласники. Они соревнуются, кто не струсит. Я не все поняла, но, кажется, они прыгали со стройки. И украли сумку с пиццей у доставщика. А через несколько дней мой брат должен сделать что-то еще. Что-то... страшное. Я не знаю что.

— Ты спрашивала его?

— Не могу! Он пошлет. А родителям я такое сказать не могу — они его накажут, запретят, а он только больше взбесится. Насть, ты всем помогаешь. Ты же гений! Скажи, что мне делать?

Я даже растерялась. Никто никогда так про меня не говорил. Стою и смотрю на нее.

Мне очень приятно. Правда. Но я понятия не имею, как помочь.

У меня нет братьев. Я никогда не сталкивалась с таким. И вообще, я же только что сидела в зале и думала, что я никто.

ПЛАН

— Сонь, — говорю я медленно. — А у брата есть друг? Самый близкий, которому он доверяет?

— Есть. Гриша. Они с первого класса вместе.

— А Гриша в этой компании?

— Не знаю... Кажется, нет. Он вообще тихий, на саксофоне играет.

Я вдруг почувствовала, что от этого разговора может зависеть очень многое.

— Вот с него и начнем.

— Что? — Соня смотрит на меня непонимающе. — Ты хочешь поговорить с Гришкой?

— Не я. Ты. Вы же знакомы?

— Ну да, он ко мне даже заходил пару раз...

— Отлично. Пригласи его как будто просто так. И спроси

осторожно: знает ли он что-то про эту компанию? Не про брата, а вообще. Может, Гриша в курсе, но боится рассказать взрослым.

Соня смотрит на меня с уважением.

— А если он не скажет?

— Тогда будем думать дальше. Но сначала надо попробовать.

Соня кивает. Потом говорит тихо:

— Насть, а ты не боишься? Вдруг они узнают, что мы лезем?

— Боюсь, — честно отвечаю я. — Но если мы не полезем, твой брат может пострадать.

РАЗГОВОР С ПАШКОЙ

На следующий день Соня прибегает ко мне на перемене.

— Он сказал! — выдыхает она. — Я позвала его, спросила про компанию. Он сначала молчал, а потом расплакался. Говорит, что его тоже звали, но он испугался и отказался. А теперь боится, что брат влипнет по-настоящему.

— Что за компания?

— Там старшеклассники, человек пять. Они собираются в заброшенном доме за школой. И у них есть «кодекс смелости»: кто выполнит самое страшное задание, тот всю неделю главный. Прыгать со стройки — уже было. Украсть пиццу — было. Дальше... — Соня замолкает.

— Что дальше?

— Дальше они должны поджечь что-то. Гриша не знает

точно. Может, мусорку. Может, машину. Он говорит, брат вчера был сам не свой, но не признается.

Я смотрю на нее и чувствую, как внутри все холодеет.

— Сонь, это уже не шутки. Если они подожгут что-то серьезное, твоего Никиту могут отправить в колонию. Ему же 11 лет, но за поджог отвечают даже дети.

— Я знаю! — у нее глаза на мокром месте. — Что делать?

Я думаю. Вспоминаю прошлые дела. И в них был один принцип: не лезть напролом, а искать того, кто знает больше и хочет помочь.

— Сонь, а кто у них главный? Гриша не говорил?

— Говорил. Какой-то Руслан из 9 класса. Он недавно из другой школы перевелся, сразу начал собирать компанию.

— А у Руслана есть кто-то, кто на него может повлиять?

Соня задумывается.

— Не знаю. Говорят, у него отец строгий. И старший брат в армии.

— Может, он просто хочет доказать, что он крутой?

ЧТО Я ПОНЯЛА

Мы еще не придумали, как быть с Русланом. Я увидела его в школе - такой амбал с широкими плечами, ходит в спортивном костюме. Громко вызывающе смеется.

Я нашла его профиль. Он часто выставлял фото с тренировок и еще есть несколько фото братом. Может поискать его и написать про Руслана? А вдруг он пошлет меня и скажет, пусть сам разбирается, для пацанов это нормально.

Думай, Настя, думай.

До пятницы есть немного времени.

А пока я иду домой и вспомнила про кастинг. Про Машу с ее миллионом просмотров. Про всех, кто был на сцене.

Они крутые. Правда. Но я вдруг понимаю: если бы я умела петь или танцевать, я бы сейчас стояла на сцене и волновалась, как меня оценят. А я иду по улице и думаю, как спасти чьего-то брата.

Может, это и есть мой талант?

Не петь. Не плясать. А быть той, к кому приходят за поддержкой, когда страшно.

Я вспоминаю, как горели надеждой глаза у Сони, когда она сказала: «Ты всем помогаешь».

Наверное, талант иногда прячется в обычных вещах: в умении слушать, организовывать, заботиться, в умении не бояться чужих проблем, в умении придумать план, когда другие паникуют. Мой талант - это проявление меня. Просто на сцене его не покажешь.

Я все еще не знаю, справимся ли мы с Русланом. Но я знаю одно: меня нельзя сравнивать с Лерой. Потому что у Леры — свое. А у меня — свое.

И мое — это вот это.

МОИ ВОПРОСЫ К СЕБЕ

— С кем я себя сравниваю чаще всего?

— Что я умею такого, чего не умеют другие? (Спроси у

близких, они знают!)

— Есть ли в моей жизни ситуация, где я боюсь сказать «нет»?

— Кому из моих знакомых нужна помощь прямо сейчас?

ДЕЛО 5: НОЧЬ ПЕРЕД ПОДЖОГОМ

Или как мы учились просить помощи



НОЧНОЙ ЗВОНОК

После разговора с Соней я не могу уснуть.

В голове крутится одно и то же: поджог, Никита, ее глаза. Ему одиннадцать. Он просто хочет быть крутым. А они хотят, чтобы он поджег что-то.

Я ворочаюсь с боку на бок. Потом сажусь на кровати и

включая телефон.

Нужно с кем-то поговорить.

Я листаю контакты. Мама? Нет, она сразу начнет паниковать и звонить Сониным родителям. Папа? Он скажет: «Разбейтесь сами, вы уже большие». Марго?

Марго старше. И она никогда не паникует.

Я: Марго, привет. Ты не спишь?

Марго: Уже нет. Что случилось?

Я: У одноклассницы брат влип по полной. Они в пятницу собираются поджечь что-то. Что делать?

Марго отвечает не сразу. Я вижу, как она печатает, потом стирает, потом печатает снова.

Марго: Это серьезно. Сами не справитесь. Нужен взрослый.

Я: Соня боится родителям говорить. Они его запрут, а он только хуже сделает.

Марго: Не, родителям не надо. Может есть какой-то учитель или тренер? Тот, кто попробует понять.

Я: Думаешь, есть такие?

Марго: Хотелось бы верить.

Я смотрю в экран и вдруг понимаю: вот оно.

ТОТ, КТО НЕ БУДЕТ КРИЧАТЬ

Подпись: «Он уже однажды помог. Поможет снова».

Я подхожу к Петру Ивановичу после уроков.

Он как раз раскладывает какие-то доски в мастерской.

— Петр Иванович, можно спросить?

— Конечно, Настя. Проходи.

Я захожу и мнусь у двери. Не знаю, как начать.

— У меня... у моей знакомой... брат попал в плохую компанию. Они собираются сделать что-то опасное. Она боится родителям сказать. А мне кажется, без взрослого не обойтись.

Он перестает возиться с досками и поворачивается ко мне. Смотрит внимательно. Очень внимательно.

— Ты правильно думаешь, — говорит он тихо. — Есть вещи, которые детям не под силу. И обратиться за помощью — не слабость, а ответственность. Это первое, что надо понять.

— Но она боится, что брат сочтет ее предательницей.

— А ты спроси ее: что страшнее — прослыть предательницей или потерять брата?

Я молчу. Он вздыхает, вытирает руки ветошью и садится на табуретку.

— Знаешь, Настя, я много лет работаю с мальчишками. Они все хотят быть сильными и смелыми. Это нормально. Компания дает им ложное чувство силы. Они думают: «Если я с ними — я крутой». А на самом деле они просто становятся чужими для самих себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.